

Александр ОКУНЬ: "В Израиле я стал художником и перестал быть евреем"

Смена. — С. — ПБ. — 1994. —
23 Дек. — С. 7

- Когда я нес свои картины на переулке в городе выставку запретного авангарда, я чувствовал будто иду на Голгофу.

Когда я целовался с девушкой или пил водку с друзьями, я всегда готов был услышать: ты не можешь и не должен, ты - еврей. А в Израиле я понял, что перестал быть евреем.

ставляемые". Мы знали, что мы - инвалиды, сумасшедшие, и не помышляли о том, что наши работы сможет увидеть кто-то, кроме двух десятков друзей.

А с этим ультиматумом мы были властью как кость в горле, и нам дали ДК имени Газа. И выполз подпольный авангард. Все твари выплезли из "Ноева ковчега". Мы шутили, что следующую выставку будем делать за колючей проволокой под названием "Природа и фантазия". Открылась выставка в 7 утра. И на каждом шагу стояла милиция! Ужасно страшным

около шести тысяч зрителей. Выставки сопровождалась, естественно, приходом милиции, проверкой паспортов. Но Женя наконец-то получил разрешение. Затем уехал Календарев, а затем и я. Здесь остался один Леня Болмат.

Благодаря Абезгаузу картины нашей группы долго с выставками путешествовали по Америке. И кто-то в оргкомитете фестиваля "Классика в контексте", который проходит в Лувре (штат Кентукки), вспомнил о нас, и через 14 лет мы все в последний раз собрались вместе, но уже без Манусова и Арефьева.

- Насколько мне известно, вы, собрав деньги за рубежом, и, купив сердечный клапан, смогли на несколько лет продлить жизнь Саше Манусову...

- Вы знаете, я благодарен Советскому Союзу за то, что он воспитал в нас это качество - мы должны были друг другу помогать. Мой знакомый московский художник как-то сказал: "Дружба - понятие круглосуточное".

- Один ваш земляк рассказывал мне, что в первый же день своего появления в Иерусалиме он интуитивно обнаружил местный "Сайгон", а анолог знаменитого ленинградского кафе. Чего вам здесь не хватало в эти годы?

- Дело в том, что я пережил свою ностальгию здесь, в этом городе, за те три месяца, что ждал разрешения на выезд. Я тогда обошел и оплакал каждый угол, каждую водосточную трубу. И там уже, в Израиле, я для себя решил, что ленинградский я - умер. И началась моя совершенно другая жизнь.

Спустя время, я понял, что если бы я эмигрировал в Америку, я умер бы от ненависти, тоски и одиночества. Мне активно не симпатична эта страна. Если я поехал бы сразу в Париж, я мог бы физически умереть от ностальгии. Как-то я шел по району, очень похожему на Петроградскую сторону (они даже строились в одно и то же время), и меня охватил ужас! Мне казалось, что вот я поверну за угол и будет моя мастерская, и будет пельменная. Но почему здесь написано по-французски?..

А Израиль - это настолько не похоже на Ленинград! Вместо равнины - горы, вместо прямых улиц - запутанные переулочки, вместо крашенных цветных домов - белый камень. Все, все другое! И это все другое каким-то образом сразу и плотно меня схватило. У меня начался роман со страной. И я благодарен ей за это.

Люди, которые сейчас приезжают из России в Израиль, говорят: мы готовы начать все с нуля. На что я имею обыкновение отвечать: вы начинаете с глубокого минуса. В день, когда вы доберетесь до нуля, будет большой праздник в семье

- А как вы добирались до "нуля", и выше?

- Мне было очень легко, потому что я ни от кого ничего не ждал и ни на что не рассчитывал. Случайно попал в театр, где ставили "Ивана Чонкина" на иврите. Я перед отъездом купил тульскую гармошку и выучился на ней играть. Израиль - страна маленькая, пошел слух, что есть единственный в стране гармонист - Саша Окунь. Меня прослушали и дали зарплату артиста. Представляете, что это для человека, который в жару не мог себе позволить купить стакан сока! С этим спектаклем я объездил весь Израиль. Я впервые носил красное знамя, впервые нарисовал портрет Сталина. Там, в театре, оказались прекрасные актеры. Теперь это мои друзья. Весь мой иврит поначалу был из этого спектакля - я долго пользовался цитатами из "Чонкина".

Точно так же мне везло и с галереями. Хотя все мне говорили - это галерея высокого класса, они не будут с тобой разговаривать, я позвонил. Мне сказали, что очередь - два года. Я объяснил, что не так стар, могу и подождать. - Тогда позвоните через неделю. Потом еще через неделю. А я звоню - звонил и звонил. В конце концов говорят: принесите. Принес. - А нет ли еще? Принес еще. Хотите выставку через два месяца? Так я выставился в одной из самых престижных галерей Израиля. А это значит - пресса и прочее. Таким образом я выкатился вперед. Выставки в лучших музеях страны, в Национальном центре Парижа, в Америке, в Европе...

- И последний вопрос. В чем, по-вашему, принципиальное отличие ленинградского Окуня 70-х годов от нынешнего, иерусалимского?

- Мне кажется, я стал художником. Хотя я и раньше считал, что художник складывается где-то к сорока годам. Художник - это как хорошее вино, ему надо время настояться. Я сложился как художник в Израиле. Так как я смог там работать, я не смог бы работать ни в какой другой стране.

А еще мое главное отличие в том, что Израиль меня сделал совершенно свободным человеком. Хотя говорят, что свобода внутри нас, во мне ее не было. Я никогда в жизни не был озабочен вопросом - еврей я или не еврей. Я не был сионистом, и в еврейскую группу художников вошел только потому, что если девять евреев идут в стороне, то стыдно десятому стоять в стороне. Но тем не менее я был всегда готов к тому, что мне скажут: ты не можешь того-то и не должен делать того-то, потому что ты - чужак. А в Израиле я освободился от этого, я перестал быть евреем. Эта страна дала мне возможность быть нормальным человеком без комплексов.

Беседовала Лариса ЗАХАРОВА

ЮБИЛЕЙ

Из ничего художника он стал профессором. И даже не в обиду на КГБ, который 14 лет назад вынудил его уехать. К трапу самолета он шел, играя на тульской гармошке, а по аэропорту разносилось - "крутится, вертится шар голубой..."

Мой собеседник - известный иерусалимский художник Александр Окунь. Один из 52 участников выставки в ДК Газа.

Тогда, осенью 74-го, после того, как в Москве пожгли работы художников, а на Западе стали проводить аналогии с нацистской Германией, власти были в шоке. В такой подходящий момент и приходит ко мне Игорь Иванов, сообщает, что решено организовать выставку. Если зала нам не дадут, то выйдем на улицу.

А я только недавно закончил Мухоминское училище, по недоразумению поступил в молодежную секцию Союза художников, имел мастерскую, но на моих работах было своеобразное клеймо руководства Союза - "невы-

был этот путь через большую площадь с картинами в руках. Тебя все останавливали: куда идешь? Хотелось сказать - иду на Голгофу. КГБ нас курировал настолько, что в последний момент из 49 художников трое испугались и сняли свои работы.

А потом был фантастический успех! Люди мерзли часами в очередях, чтобы это увидеть. Неожиданное признание, неожиданное осознание ценности того, что ты делаешь. Я был этим просто ошарашен!

Я занимался живописью не потому, что мне была дана благая весть, и я должен был осчастливить страждущее человечество. Просто, живопись была и остается единственным, чем мне заниматься не скучно.

В один момент мы стали героями. Нас тогда называли нонконформистами. Но когда я впервые приехал в Париж, я понял, что 90 процентов наших художников, которые туда эмигрировали, - скрывались. Думаю, это случилось потому, что на Западе за нонконформизм не платят.

Но все равно я с любовью вспоминаю это героическое время. Союз художников нас ненавидел, нас травил, у нас отбирали мастерские. Наши телефоны прослушивались, нас вызывали в КГБ, арестовывали. Один из следователей мне заявил: если я из-за тебя еще одно воскресенье проведу здесь, на работе, я тебе клятвенно обещаю, что ты у меня "уйдешь на три года". И дальше стали людей выталкивать.

- Но перед отъездом вы еще раздражили КГБ группой "Алеф"?

- Женя Абезгауз собирался уезжать, но был в отказе. И он предложил создать группу еврейских художников. Нас было 12 человек, мы устраивали квартирные выставки. Через одну такую квартиру прошло